

Архипович А.Г.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ И ВЕРМАХТА К НАЧАЛУ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вопрос о состоянии бронетанковых войск Красной Армии и Вермахта важен и актуален в связи с вопросом о причинах поражения Красной Армии в первом периоде Великой Отечественной войны. Без знания того, по каким принципам, как и в каких условиях создавались бронетанковые войска сторон, нельзя понять причин побед и поражений армий противостоящих друг другу государств. Поэтому вопрос о состоянии бронетанковых войск Красной Армии и Вермахта заслуживает самого пристального внимания исторической науки.

В советской историографии традиционно замалчивался факт огромного численного превосходства Красной Армии над Вермахтом в ударных силах – танках и самолетах. Обычно, сравнивая силы приграничных группировок РККА и Вермахта, советская историческая наука брала для сравнения с немецкой армией только число советских танков и самолетов «новых» образцов. При этом не указывая, по каким критериям она считала танк или самолет «новым». А боевую технику «устаревших конструкций» в расчет не принимала [12, с. 166]. По таким явно сфальсифицированным данным причину разгрома приграничной группировки войск Красной Армии выводили из простого превосходства противника в численности танков и самолетов «новых типов», уничтожения хорошо подготовленного командного состава в 1937-1938 годах, ошибок Сталина, допустившего внезапное нападение Вермахта, сосредоточившего превосходящие силы в направлении главных ударов. Не касаясь вопроса «внезапности нападения», попробуем внести ясность в вопрос о превосходстве германской армии в танках «новых типов». До сих пор многие историки не понимают самой сути военно-технических проблем этого важнейшего вопроса. А из этого исходит и их ошибочная оценка действий и возможностей сторон в ходе войны. Например, Михаил Мельтюхов в своем недавно вышедшем исследовании «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения)» делает вывод о том, что Вермахт не имел качественного превосходства в военной технике над Красной Армией, и поэтому главной причиной ее разгрома было неумение советского командования распорядиться теми огромными наличными силами, которые имелись у Красной Армии [23, с. 487]. Исходя из этой же высокой оценки боеспособности Красной Армии к началу Великой Отечественной войны, Михаил Мельтюхов делает предположение о «главной ошибке Сталина», которая заключалась в том, что Сталин отложил намеченное на 12 июня 1941 года нападение на Германию на более поздний срок, и это привело к тому, что Гитлер опередил его в своем нападении на СССР [23, с. 502-505]. Таким образом, из факта опережения в нападении выводится причина победы или поражения армий сторон в начальном периоде войны. На самом деле, вопрос

о боеспособности Красной Армии и Вермахта

к началу войны более глубок, чем это кажется при поверхностном рассмотрении. Чему и посвящена эта статья.

Появление танков на полях сражений Первой мировой войны было связано с изменением характера войны, которая из маневренной, подвижной превратилась в застывшую, позиционную. Позиционный фронт обороны представлял собой 2-3 линии сплошных траншей, прикрытых с фронта проволочными заграждениями. Артиллерия располагалась в глубине обороны и вела огонь с закрытых позиций. Суть проблемы прорыва позиционного фронта и его образования заключалась в том, что, сосредоточив превосходящие силы пехоты и артиллерии на направлении наступления, наступающая сторона осуществляла прорыв настолько медленно, что противник за это время успевал перебросить резервы и войска с не атакованных участков на место прорыва, и, создав там равенство сил, останавливал наступление [13, с. 517]. Для повышения тактической скорости наступления пехоты и были предназначены первые танки. Благодаря броне, они были защищены от огня стрелкового оружия и осколков снарядов, а гусеничный ход позволял им преодолевать воронки, траншеи и проволочные заграждения. Установленные в танках пушки и пулеметы позволяли подавлять огневые точки противника. Опираясь на поддержку танков, пехота смогла повысить темп наступления при прорыве позиционной обороны [35, с. 19]. Это привело к тому, что к концу Первой мировой войны тактическая позиционная оборона была прорвана [9, с. 9]. Однако развить этот тактический успех в оперативный, т.е. осуществить глубокий прорыв фронта, имеющий оперативное значение, на несколько сот километров, танки Первой мировой войны сделать не могли. Их тактико-технические характеристики не позволяли этого, да и военная наука того времени не была готова воспользоваться открывшейся возможностью [9, с. 11]. Но после окончания Первой мировой войны, уже в 20-е годы, прогресс в танкостроении позволил создать танки, которые можно было использовать для глубоких, оперативных прорывов обороны противника. Дело осталось за военными, которые должны были теоретически обосновать и продумать их применение. Многие военные теоретики и генеральные штабы ряда стран занялись решением этой проблемы. Нас интересуют Советский Союз и Германия.

Советская военная доктрина, разрабатываемая в предвоенные годы, считала, что предстоящая война, в которой будет участвовать СССР, «будет мировой, длительной и высокоманевренной, с участием массовых армий, что она потребует огромного напряжения всех экономических и организационных сил воюющих

стран» (Тотальная война). «Основным видом военных действий, обеспечивающим решительный разгром противника, признавалось стратегическое наступление» [19, с. 104-105]. А в проекте полевого устава 1939 года было сказано: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью, до полного разгрома противника на его же территории» [18, с. 153]. Поэтому развитию наступательных, ударных средств, родов войск и видов Вооруженных Сил в Красной Армии традиционно придавалось особое значение.

Исходя из изученного опыта хода военных операций периода Первой мировой войны, советские военные теоретики пришли к правильному выводу о главной причине образования позиционного фронта – низкой тактической и оперативной подвижности армий всех стран участниц Первой мировой войны [13, с. 515-517]. Тактическая подвижность войск, – это движение войск на поле боя, под огнем противника. Оперативная подвижность войск, – это движение в свободном пространстве: в своем тылу, или тылу противника, на открытом фланге и т.д. [13, с. 510]. Найдя, основную причину образования позиционного фронта, советская военная наука стала искать средства, позволяющие повысить эту подвижность. Одним из уже известных таких средств были танки, и на них было обращено особое внимание.

К концу 20-х годов, когда советская военная наука определила в основных чертах пути развития Красной Армии, за рубежом были уже созданы танки, имеющие высокую тактическую и оперативную подвижность. Самые высокие тактико-технические показатели из них имел танк американского конструктора Уолтера Кристи Т3.

Важной проблемой, мешавшей созданию танков с высокой оперативной подвижностью в 20-е годы, была проблема ненадежности гусеничного движителя, не позволявшего совершать длительные марши на гусеницах [26, с. 141]. Кристи удалось благополучно разрешить эту проблему, создав танк-симбиоз, способный двигаться и на гусеницах и на колесах. Оперативные марши по дорогам танк Кристи совершал на колесах, при этом его скорость могла достигать 74 км/ч, а, надев гусеницы, для чего требовалось только 15 минут времени, танк мог передвигаться по бездорожью с максимальной скоростью 43 км/ч [26, с. 141-143]. При этом запас его хода по шоссе на колесах составлял 300 км, а на гусеницах – 200 км [35, с. 41]. Таким образом, танк Кристи представлял собой почти идеальное средство, с помощью которого командование Красной Армии надеялось благополучно решить проблему глубокого оперативного прорыва позиционного фронта. Но существовала и проблема ближнего, тактического прорыва позиционного фронта. Ее должны были решить чисто гусеничные танки: легкие и средние, специально созданные для ведения боя против укрепившегося противника [13, с. 526]. Прототипами этих танков стали легкий английский танк «Виккерс 6-тонный» и средний английский танк «Виккерс 12-тонный», образцы которых были закуплены комиссией во главе с начальником Управления механизации и моторизации Красной Армии И.А. Халепским в марте 1930 года [35, с. 27-28]. В феврале 1931 года легкий танк «Виккерс 6-тонный» был принят на вооружение Красной Армии под маркой Т-26 и стал серийно выпускаться промышленностью [26, с. 105]. В октябре 1932 года был создан и поступил на завод первый опытный образец среднего танка Т-28, созданного советскими конструкторами на основании проектов английских танков А1 «Индепендент» и 16-тонный А6 [26, с. 130]. Легкий танк Т-26 имел экипаж из трех человек. Первоначально он был оснащен двумя пулеметными башенками, замененными затем одной башней с 45 мм пушкой и спаренным с ней пулеметом. Танк имел противопульное бронирование толщиной 15 мм, развивал максимальную скорость по шоссе до 30 км/ч и дальность хода 140 км [26, с. 105-106]. Средний танк Т-28 имел массу 28 тонн и противопульное бронирование толщиной 20 мм, доведенное только в лобовой части корпуса до 30 мм. Танк имел вооружение, размещенное в трех башнях: одной 76 мм короткоствольной пушки и четырех пулеметов. Экипаж состоял из шести человек. Танк развивал максимальную скорость по шоссе до 45 км/ч и имел дальность хода 220 км [26, с. 130-132]. Взгляды советского командования на развитие военного искусства в 20-30 годы были подытожены созданием теории глубокой операции, ставшей основой советской военной доктрины. Глубокая операция предусматривала три основные стадии. Первую – прорыв тактической обороны противника, он осуществлялся пехотными соединениями при поддержке танков, артиллерии и авиации. Вторую – развитие тактического прорыва в оперативный, это достигалось вводом в образовавшийся прорыв высокоподвижных войск, действиями дальней авиации и высадкой воздушных десантов в глубине обороны противника. Третью – развитие оперативного прорыва (оперативное преследование), оно проводилось всеми войсками до полного разгрома группировки противника и занятия выгодного положения для новой операции [4, с. 92]. Предпосылкой осуществления глубокой операции считалось завоевание господства в воздухе, с целью изоляции района сражения от подходящих резервов противника и подачи материального снабжения его войскам [4, с. 93]. Бронетанковые войска должны были играть во всех стадиях глубокой операции важнейшую роль. Главным родом войск при осуществлении глубокой операции считалась пехота, так как только она, по взглядам советского командования, была в состоянии обеспечить захват и длительное удержание местности [32, с. 26]. Первая стадия глубокой операции считалась советской военной наукой основной, потому что без прорыва тактической обороны противника глубокая операция была невозможна [4, с. 93]. Поэтому основная масса советских бронетанковых войск была предназначена именно для тактической поддержки пехоты. Организационно это было оформлено так: каждая советская стрелковая и кавалерийская дивизия получила танковые подразделения, входившие в их состав – войсковые танки. В стрелковую дивизию был включен танковый

батальон, а в кавалерийскую дивизию – механизированный полк [9, с. 24]. Танковые батальоны стрелковых дивизий были двух – или трех ротной организации и имели 30 или 54 танков Т-26 и Т-37. Для качественного усиления стрелковых корпусов при их наступлении на направлении главного удара были предназначены отдельные танковые бригады РГК (Резерва Главного Командования) [9, с. 24]. К началу Второй мировой войны в составе Красной Армии было 16 танковых бригад РГК, укомплектованных танками Т-26, по 238 танков в бригаде. Кроме того, имелось еще три бригады средних танков Т-28, имевших в своем составе по 117 танков Т-28 и 39 танков БТ, и одна бригада тяжелых танков Т-35 в составе 32 танков Т-35 и 85 танков Т-28 [21, с. 24]. Наступая с фронта совместно с танками, пехота Красной Армии должна была решить двуединую задачу. Во-первых, она должна была прорвать позиционный фронт обороны противника на направлении главного удара, после чего в прорыв вводились подвижные соединения, предназначенные для наступления на большую глубину. Во-вторых, пехота должна была сковать основные силы противника вдоль всего фронта и не дать ему возможности оторваться от войск Красной Армии и отступить на новые рубежи обороны [13, с. 528]. Ударная группа, предназначенная для второй стадии глубокой операции – развития тактического прорыва в оперативный, должна была, по мнению советского командования, состоять из трех эшелонов. Первый эшелон должен был обладать максимальной оперативной подвижностью и мощностью. Его предполагали сформировать из мехбригад быстроходных танков. Вторым эшелоном должны были составлять мехбригады легких и средних гусеничных танков, предназначенных для ведения боя против укрепившегося противника, на которого мог бы наткнуться передовой эшелон. Третий эшелон должен был состоять из моторизованной пехоты, следующей на автомашинах [13, с. 526]. Передовой эшелон должен был с максимально возможной быстротой выбрасываться вперед. При этом считалось, что он будет своевременно поддержан вторым эшелоном гусеничных танков, и, наконец, местность должна была быть занята пехотой, следующей на автомашинах [13, с. 526].

В соответствии с этими теоретическими положениями бронетанковые войска Красной Армии, предназначенные для глубокого оперативного прорыва, были организованы следующим образом. Основой ударной группы должны были стать механизированные корпуса, формирование которых началось в СССР в 1932 году [10, с. 117]. В это время было сформировано два корпуса: один в Ленинградском и один в Киевском военных округах. В 1933 и 1934 годах были сформированы еще два корпуса: один в Белорусском и один в Забайкальском военных округах [10, с. 117]. Каждый механизированный корпус состоял из трех бригад. Бригады танков БТ (передовой эшелон), бригады танков Т-26 (второй эшелон) и стрелково-пулеметной моторизованной бригады (третий эшелон) [29, с. 271]. Кроме того, в состав мехкорпуса входило управление корпусом, отдельный разведывательный батальон, батальон связи, зенитно-артиллерийский дивизион и другие подразделения. Всего мехкорпус имел на вооружении до 500 танков трех типов (БТ, Т-26, Т-37), 215 бронемашин, 60 орудий, 200 автомобилей и другую военную технику [29, Т.5, с. 117]. Кроме мехкорпусов, для развития оперативного прорыва Красная Армия имела 12 отдельных танковых бригад укомплектованных танками БТ, по 238 танков в бригаде [21, с. 24].

Танковые бригады, входившие в состав механизированных корпусов, состояли из трех танковых батальонов, стрелково-пулеметного батальона, саперного батальона, артиллерийского дивизиона и зенитно-пулеметной роты. Отдельные танковые бригады танков БТ имели другую организацию. Они состояли из четырех танковых батальонов и одного разведывательного батальона [15, с. 201].

Такова была организация, оснащение и роль бронетанковых войск в Красной Армии к началу Второй мировой войны. Какие же особенности можно отметить при этом?

Так как согласно советской военной доктрине механизированные корпуса и танковые бригады быстроходных танков были предназначены для наступательных операций против противника на его же территории (на штабных оперативных играх вероятным противником обычно выступала армия нацистской Германии), то эти советские соединения были оснащены боевой техникой, привязанной к хорошим европейским дорогам [7, с. 13]. В самом деле, быстроходный танк БТ имел наибольшую оперативную подвижность, передвигаясь на колесах по дорогам с твердым покрытием [26, с. 141]. Советские грузовые и легковые автомобили: ГАЗ-АА, ЗИС-5, ГАЗ-М1, используемые в Красной Армии, тоже предназначались для движения по таким дорогам [31, с. 2]. Да и броневые автомобили БА-20 и БА-10, предназначенные для разведки и охраны, были созданы на шасси тех же ГАЗ-М1 и ГАЗ-АА [14, с. 40-41]. Вся эта боевая техника имела разную скорость движения по шоссе и разную проходимость по бездорожью. Причем, всю колесную технику из-за плохой проходимости нельзя было применять вне дорог [31, с. 3]. Конечно, в хорошую погоду, летом колесная техника Красной Армии могла передвигаться и по грунтовым дорогам и частично по бездорожью, как это было в Монголии во время боев на реке Халхин-Гол, но это было не гарантированное движение. Стоило пройти летнему дождю, как автомобили безнадежно застревали [1, с. 81].

Другой особенностью бронетанковых войск Красной Армии была их бригадная организация. Бригада, как организационная единица, считается промежуточным соединением между тактическим и оперативным звеном [4, с. 189]. По своей организации бригада в основном состоит из одного рода войск, и поэтому её структура не предусматривает тесного взаимодействия с другими родами войск внутри бригады. Таким соединением является только дивизия [2, с. 275]. Поэтому бригадная организация бронетанковых соединений говорит о том, что командование Красной Армии с самого начала не планировало такого взаимодействия. Сама военная теория применения ударной группы при действии в глубине обороны противника считала поэшелонное построение советских войск и их одновременный ввод в бой наиболее

правильным решением [13, с. 525]. Не были обеспечены советские бронетанковые соединения и средствами радиосвязи, тоже необходимой для взаимодействия различных родов войск внутри соединений. Танки БТ должны были выполнять функцию «механической конницы», т.е. они должны были действовать каждый самостоятельно. Поэтому при создании этих танков оснащение их радиостанциями предусмотрено не было [35, с. 41]. И хотя в 30-е годы значительная часть советских танков была оснащена радиостанциями, их низкие тактико-технические характеристики и непонимание советским командованием важности этого вопроса привело к тому, что радиосвязь не стала к началу Второй мировой войны основным средством управления советских бронетанковых войск [30, с. 282].

Важной особенностью конструкции советских танков 30-х годов было также их противопульное бронирование. В конце 20-х – начале 30-х годов в армиях всех развитых стран мира стали появляться в больших количествах малокалиберные 25-47- миллиметровые противотанковые пушки [29, Т.1, с. 283]. Они имели небольшие размеры и вес, большой сектор обстрела и высокую скорострельность, достигающую до 20-30 выстрелов в минуту [22, с. 44-45]. На дистанции прямого выстрела, до 1 000 метров, они пробивали 26-40 - миллиметровую броню [29, Т.1, с. 283]. Например, в Германии, еще в 1928 году была создана 37- мм противотанковая пушка PaK-35/36, имевшая бронепробиваемость с дистанции 1 000 метров 27 мм [36, с. 157-159]. К началу Второй мировой войны в Вермахте было 11 200 таких орудий [28, с. 81]. Если же к этому добавить огромное количество противотанковых ружей, выпускавшихся в Германии с 1938 года, и имевших бронепробиваемость 20 мм с дистанции 300 метров, то станет абсолютно ясным, что все советские танки 30-х годов при встрече с этими средствами были обречены. Их боеспособность, т.е. возможность выполнять задачи, для которых они были созданы, становилась проблематичной.

Познакомимся теперь с немецкими взглядами на роль и применение бронетанковых войск в предвоенные годы. Военно-теоретическая мысль Германской армии тоже была занята изучением опыта Первой мировой войны и поиском причин поражения в ней Германии. К началу 30-х годов была проделана колоссальная работа по обобщению и исследованию этого опыта. Итогом всех работ стала теория «тотальной войны» и исходящая из этой теории концепция «молниеносной войны» – блицкрига [28, с. 101]. Концепция блицкрига была рождена главным военным уроком Первой мировой войны – затяжную войну на истощение Германия неизбежно проиграет [28, с. 104].

Основой блицкрига стала старая военно-теоретическая база прусской военной школы, оказавшейся несостоятельной в годы Первой мировой войны. Тем не менее, научное наследие Клаузевица, Мольтке (старшего) и Шлиффена было взято на вооружение Рейхсвера и стало основой его стратегических концепций. Особенно важную роль играли теоретические взгляды Шлиффена. Они сводились к трем основным принципам. Во-первых – стратегической целью войны является уничтожение вооруженных сил противника. Во-вторых – из-за того, что объединенные силы противников Германии всегда будут превосходить ее вооруженные силы и наиболее вероятной станет война на несколько фронтов, Германской армии необходимо стремиться к разгрому армий противников по очереди. В-третьих – для того, чтобы добиться этого, стратегическим методом ведения военных действий должны быть внезапные, молниеносные военные операции с целью обхода и окружения главных сил противника [28, с. 100]. Так, быстротечные, молниеносные военные операции стали основой германской военной науки. Поэтому независимо от командования Красной Армии германский генштаб пришел к тем же выводам из уроков Первой мировой войны: о необходимости значительного повышения тактической и оперативной скорости движения войск [28, с. 106]. Но, в отличие от Красной Армии главным средством повышения этого движения немцы выбрали не танки, а автомобильную моторизацию [11, с. 19].

Этому было несколько веских причин: запрещение по Версальскому договору иметь танки, а автомобили – нет, хорошо развитую автомобильную промышленность, большое число личных автомобилей, густую сеть хороших автомобильных дорог.

Положение Рейхсвера после поражения Германии в Первой мировой войне находилось в разительном противоречии с положением Красной Армии. Рейхсвер был стиснут жесткими ограничениями Версальского договора. Германии разрешили иметь только семь пехотных и три кавалерийские дивизии, а общая численность армии не должна была превышать сто тысяч человек [5, с. 42]. Причем, немцам пришлось сдать союзной контрольной комиссии все лишнее вооружение, выходящее за рамки договора. При этом соседи Германии: Франция, Чехословакия, Польша имели значительно превосходящие Рейхсвер вооруженные силы [5, с. 86]. Все это делало германские планы наступательной войны против своих соседей нереальными, и германский генштаб, переименованный в войсковое управление, вплоть до начала 30-х годов был озабочен не разработкой планов реванша, а угрозой неспровоцированного нападения превосходящих сил врага с целью оккупации спорных приграничных территорий [5, с. 87]. Особенно Рейхсвер опасался нападения Польши, и начало военного сотрудничества с Советским Союзом было в значительной степени связано со страхом перед этой угрозой. Так как Рейхсвер был чрезвычайно мал для того, чтобы образовать сплошной, позиционный фронт обороны, главное внимание немецкой военной науки было обращено на ведение прерывистой, маневренной обороны [3, с.17]. И тут все внимание германского командования было обращено на автомобили как средство повышения этой маневренности. Но основную задачу моторизации немцы видели в оперативных перевозках крупных пехотных соединений [3, с. 20]. Изучение же всех проблем, связанных с этими перевозками, вывело германское командование на необходимость их прикрытия и охранения бронетанковыми средствами [3, с. 17]. Так родился принципиально отличный от

взглядов советского командования германский подход к проблеме использования бронетанковой техники в войне.

Выдающимся авторитетом в области строительства бронетанковых войск в Германии стал безвестный офицер Гейнц Гудариан. Получив приказ от командования изучить все проблемы, связанные с использованием танков и автомобильных войск в войне, он, постепенно набираясь опыта, пришел к выводу о возможности оперативного использования танковых соединений. Немцы знали о взглядах командования Красной Армии на использование бронетанковых войск. Вплоть до 1933 года они присутствовали на ее маневрах [28, с. 98]. Гудариан, неоднократно бывавший в Советском Союзе, был детально ознакомлен с теорией советской глубокой операции и многие ее положения использовал при создании собственной теории применения бронетанковых войск [28, с. 109-110]. Немцы взяли многое, но не всё. Массированное применение танков, важность их скоростных характеристик, поддержка танков авиацией навсегда вошли в немецкую теорию танковой войны [28, с.10]. Но бригадную организацию высших соединений, пошелонное построение ударных групп, отсутствие взаимодействия между родами войск и применение танков для тактической поддержки пехоты немцы решительно отвергли.

Для практического изучения своих взглядов Гудариан применял макеты, изготовленные из жести и установленные на шасси легковых автомобилей. Большой опыт дала и созданная в СССР к 1929 году танковая школа «Кама» [17, с. 229]. Туда были доставлены тайно изготовленные в Германии образцы новых немецких танков [20, с. 43-46]. К 1929 году Гудариан завершил свои теоретические разработки созданием собственной теории применения и организации бронетанковых войск, коренным образом отличавшейся от советской [3, с. 23].

Танки бессмысленно использовать как тактическое средство непосредственной поддержки пехоты, считал Гудариан. Танк, вынужденный передвигаться на поле боя в темпе наступления пехоты, обречен на гибель [2, с. 19]. Наибольшую эффективность танки могут принести только в составе бронетанкового соединения состоявшего из разных родов войск. Причем, этим родам войск, действующим в интересах танков, должна быть придана такая же скорость и проходимость, как у танков [3, с. 23].

Танкам отводилась главная роль в таком соединении, поэтому танки, считал Гудариан, нужно не придавать пехотным соединениям, а создавать из танков и других родов войск самостоятельные танковые дивизии, которые и смогут с наибольшей эффективностью использовать все возможности танков [3, с.23].

Немецкое командование, изучая на полигонах в СССР образцы первых немецких танков и основываясь на новых взглядах их оперативного применения, выработало тактико-технические требования для конструирования основных танков. Немцы пришли к выводу, что бронетанковое соединение, применяемое в оперативных целях, должно иметь два типа танков: легкий, вооруженный бронебойной пушкой и двумя пулеметами, и средний, вооруженный пушкой более крупного калибра и такими же пулеметами [3, с. 28].

Масса обоих танков не должна была превышать 24 тонн, что определялось грузоподъемностью мостов на дорогах Германии. Скорость обоих типов танков была одинаковой и определена в 40 км/ч. «Легкий» танк получил марку Т-3, «средний» – Т-4. Танки были защищены со всех сторон хромоникелевой броней с поверхностной закалкой толщиной в 30 мм, которая могла защитить их от огня противотанковой артиллерии только на дальних дистанциях [34, с. 44].

Компоновка обоих типов танков предусматривала наличие экипажа из пяти человек: водителя, стрелка-радиста, наводчика, заряжающего и командира. Командир размещался в башне выше места наводчика, откуда имел прекрасный круговой обзор. Благодаря наличию отдельного радиста он мог сосредоточить всё свое внимание на руководстве действиями своего экипажа или действиях своего танкового подразделения [2, с. 51]. Связь между танками, другими родами войск и командованием поддерживалась по радио. Рациональное разделение функций экипажа давало немецким танкам значительное преимущество в бою.

Летом 1935 года взгляды Гудариана получили окончательную поддержку командования Вермахта, и все имевшиеся на то время бронетанковые подразделения, были объединены в первую в мире танковую дивизию [28, с. 109]. А основной организационной единицей танковых подразделений Вермахта стал танковый батальон.

Танковый батальон состоял из штаба, взвода связи и четырех танковых рот. Танковая рота состояла из взвода управления и четырех танковых взводов. Танковый взвод состоял из пяти танков. Всего, таким образом, танковый батальон имел около 70 танков [2, с. 46-47]. Три роты в каждом батальоне комплектовались «легкими» танками, а одна – «средними».

Танковые батальоны объединялись по два в танковые полки. Танковый полк имел штабную и ремонтную роты. Два танковых полка объединялись в танковую бригаду, командир которой был только тактическим руководителем в бою, а за все стороны жизнедеятельности своей части отвечал командир полка [2, с. 45].

Такая организация танковых частей в рамках танковой дивизии позволяла очень гибко управлять всеми подразделениями, входившими в состав дивизии, и организовывать между ними четкое взаимодействие в бою.

Кроме танковой бригады, танковая дивизия Вермахта состояла из мотострелковой бригады, а та – из мотострелкового полка и мотоциклетно-стрелкового батальона. Кроме этого, в танковую дивизию входили моторизованный артиллерийский полк, истребительно-противотанковый дивизион и отдельные батальоны: разведывательный, саперный, связи и тыловые службы [30, с. 384]. Всего по штатному расписанию танковая дивизия должна была иметь 11 792 человека личного состава, 324 танка, 421 бронетранспортер, 10

броневых автомобилей, 1 402 грузовика, 561 легковой автомобиль, 1 289 мотоциклов (из них 711 с коляской), 48 противотанковых пушек, 24 гаубиц, 8 пехотных орудий, 12 зениток калибром 20 мм и 48 минометов [6, с. 717-718]. Так как вся боевая немецкая техника, предназначенная для других родов войск, должна была иметь одинаковую скорость и проходимость с танками, то этот принцип стал определяющим при оснащении автомобильной техникой танковых дивизий. Мотопехотный полк имел на вооружение полугусеничные бронетранспортеры, с близкими к танкам проходимостью по бездорожью и развивавшими максимальную скорость по шоссе до 50 км/ч [33, с. 7-26]. Грузовые и легковые автомобили, предназначенные для перевозки личного состава, имели повышенную проходимость [31, с. 2]. Германские автомобильные фирмы выпускали их в обычной и полноприводной модификациях [31, с. 2]. В танковых дивизиях широко применялись легковые автомобили внедорожной проходимости. Они предназначались для разведки, связи, управления, как артиллерийские тягачи и т.д. Например, в состав каждого танкового батальона Вермахта входил саперно-рекогносцировочный взвод, основными задачами которого были: ремонт дорог, регулирование движения, разведка местности. Взвод оснащался легковыми автомобилями внедорожной проходимости и мотоциклами [2, с. 48]. Броневые автомобили, предназначенные для разведки в составе разведывательного батальона, были в Вермахте двух типов: легкими двухосными и тяжелыми четырехосными. Оба типа броневых автомобилей имели привод на все колеса [14, с. 67]. Их шины были пулестойкими, максимальная скорость по шоссе достигала 85 км/ч, запас хода был 300 км. По своей проходимости по бездорожью тяжелый четырехосный броневый автомобиль Вермахта приближался к танкам. Кроме того, он имел два поста управления и двух водителей, сидящих спиной друг к другу, это позволяло броневому автомобилю двигаться передним и задним ходом с одинаковой максимальной скоростью и не тратить время на разворот [25, с. 147].

Бронетранспортеры, впервые созданные в Германии в 1937 году, были достаточно прогрессивными [33, с.4]. Их применение означало коренное изменение в тактике взаимодействия пехоты и танков в бою. В Красной Армии взаимодействие танков с пехотой понимали только как совместную атаку, когда пехота в пешем порядке цепями наступала за танками. При этом из-за разницы в скорости пехота неизбежно отставала от танков и к тому же несла огромные потери от огня стрелкового оружия и настильного или навесного огня артиллерии и минометов, стрелявших с закрытых позиций. Танки могли подавить эти позиции, только прорвавшись в глубь обороны.

Характерно, что Красная Армия не имела перед войной бронетранспортеров и не заказывала их промышленности.

В Вермахте взаимодействие пехоты и танков понимали по-другому, как придание пехоте такой же скорости и проходимости, как у танков, при защищенности от огня стрелкового оружия и осколков снарядов и мин.

Немецкие бронетранспортеры представляли собой бронированную полугусеничную машину высокой проходимости с толщиной брони 14,5 мм, в кузове которой размещалось, кроме экипажа, состоявшего из двух человек, одно пехотное отделение – 10 стрелков. Боевое отделение было открытым сверху, и это позволяло десантникам вести огонь с бронетранспортеров на ходу.

В атаке бронетранспортеры двигались за передовым строем танков, ведя огонь из пулеметов и другого оружия по обороне противника. Пехота, подвергнутая такой атаке, не могла вести ответный огонь, и была вынуждена укрываться от него в окопах. Настильный, навесной огонь артиллерии и минометов обороняющихся тоже был бесполезен, так как десантники были защищены от осколков снарядов и мин броней бронетранспортера. Благодаря высокой скорости бронетранспортеры вслед за танками стремительно приближались к окопам противника, и десантники атаковали врага гранатами прямо с бронетранспортеров. Затем, спешившись в непосредственной близости от окопов, они сверху могли почти безнаказанно поражать противника в окопах [33, с. 28]. Эта тактика позволяла быстро и с незначительными потерями захватывать позиции противника. Как только путь для дальнейшего наступления становился свободным, в прорыв, вслед за танками и мотопехотой, устремлялись и другие части дивизии. Темп их наступления был гораздо выше, чем у пехоты, наступающей за танками в пешем строю.

Для повышения подвижности артиллерии и придания ей такой же скорости и проходимости, как у танков, в Германии, начиная с 1926 года, велись разработки быстроходных полугусеничных тягачей различных классов, способных буксировать артиллерию массой от 1 до 18 тонн [27, с. 20]. Это были совершенные для своего времени машины, способные перевозить артиллерийские орудия по бездорожью со скоростью до 52 км/ч. С 1934 года они начали серийно выпускаться немецкой промышленностью [27, с. 21]. Для взаимодействия артиллерии и танков, передовые артиллерийские наблюдатели артиллерийского полка танковой дивизии имели специальные бронированные машины, находившиеся во время атаки в боевых порядках танковых и мотопехотных рот [24, с. 131].

Особо надо сказать о мотоциклах, широко применявшихся в немецких бронетанковых войсках. Каждая немецкая танковая и моторизованная дивизия имела в своем составе мотоциклетно-стрелковый батальон [34, с. 10].

Немецкие мотоциклы, состоящие на вооружении этих батальонов, имели высокие тактико-технические показатели. Их максимальная скорость по шоссе достигала 125 км/ч, и они имели привод не только на заднее колесо, но и на колесо коляски, благодаря чему имели хорошую проходимость даже по бездорожью [8, с. 14].

Важнейшим элементом организации бронетанковых соединений была радиосвязь. Только благодаря радиосвязи можно было наладить четкое взаимодействие различных родов войск внутри танковой дивизии и с другими войсками и соединениями [2, с. 69]. Вся бронетехника Вермахта была оборудована радиостанциями. Машины командиров имели две радиостанции, причем, они обеспечивали связь на большие расстояния [2, с. 69]. Хорошо было налажено в танковой дивизии и материально-техническое снабжение, а также ремонт подбитой техники.

Таким образом, танковая дивизия Вермахта стала новым качественным скачком в военном искусстве [37, с. 29]. Ее главным оружием стал принцип высокой тактической и оперативной подвижности. Высокая тактическая скорость достигалась массированием боевой техники на направлении главного удара, взаимодействием различных родов войск: танков, мотопехоты, артиллерии, авиации. Благодаря этому танковая дивизия могла очень быстро, за несколько часов, прорвать позиционный фронт обороны. Но кроме этого, танковая дивизия имела и очень высокую оперативную подвижность! Хотя она была и разной у различных подразделений танковой дивизии, тем не менее, вся дивизия за сутки могла пройти по тылам противника до 90 км [2, с.289]. Так в руках германского командования оказался инструмент стратегического значения, способный претворить в жизнь самые смелые замыслы разработчиков молниеносных войн.

Подведем итог. Красная Армия и Вермахт шли к созданию бронетанковых войск разными путями и имели разные взгляды на роль и применение бронетанковых войск в войне и на оснащение их боевой техникой. Правильно определив тенденции развития военного искусства – повышение тактической и оперативной подвижности войск, в Красной Армии и Вермахте по-разному увидели средства и пути решения этой проблемы. Это произошло не случайно. Дело было не только в техническом отставании промышленной базы Советского Союза как основы развития новой военной техники. Но, главным образом, в основополагающих принципах построения советской военной доктрины. Ориентация на наступление, на перенос войны сразу за рубежи территории СССР, не позволила советской военной науке обратить внимание на важность ведения оборонительных действий на своей территории. Поэтому при создании новой боевой техники больше ориентировались на зарубежные условия театра военных действий, а не на собственные. Кроме этого, советские военные теоретики допустили грубейшие ошибки в выборе средств и методов повышения тактической и оперативной подвижности войск. Все их внимание было приковано к танкам как к основному средству повышения этой подвижности. Должного внимания на развитие другой боевой техники, которую также можно было использовать для увеличения этой подвижности, не уделялось.

Это произошло из-за низкого профессионального уровня советской военной школы к 1939 году в целом, а так же из-за непонимания основного принципа ведения успешных военных действий – взаимодействия различных родов войск в бою.

Для бронетанковых войск этот принцип требовал огромного количества разнообразной боевой техники: быстроходных танков, бронетранспортеров, внедорожных броневых автомобилей, грузовиков, легковых автомобилей, быстроходных артиллерийских тягачей, радиосвязи со всеми подразделениями, надежного технического обслуживания, ремонта, снабжения и знающих, высокоподготовленных специалистов. Этого советские военные теоретики не учитывали, они были сосредоточены на идее пошелонного, раздельного наступления, главным образом танков, по хорошим европейским дорогам. Признавая главным родом войск пехоту, советская военная доктрина рассматривала танки как средство обеспечения скорости её наступления. Этим оно отводило танкам лишь вспомогательную роль. В Вермахте все было иначе. Бронетанковые войска были признаны главным родом войск [2, с. 29]. Они должны были самостоятельно прорывать позиционную оборону противника на направлении главных ударов. Они же должны были самостоятельно прорываться в оперативную глубину обороны противника. Их организационное устройство и оснащение боевой техникой позволяли это сделать в очень сжатые сроки. Танковые дивизии Вермахта были как бы мини армиями, состоявшими из всех родов войск, имеющих высокую подвижность [16, с. 191].

Уже первые сражения Второй мировой войны показали, что концепция Вермахта оказалась более боеспособной.

Литература

1. Ветров А.А. Так и было. – М.: Воениздат, 1982. – 159 с.
2. Гудариан Г. Танки – вперед! – Нижний Новгород: Времена, 1996. – 304 с.
3. Гудариан Г. Воспоминания солдата. – Смоленск: Русич, 1998. – 656 с.
4. Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. – М.: Воениздат, 1989. – 318 с.
- Манштейн Э Из жизни солдата. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 320 с.
- Манштейн Э. Утерянные победы. – М.: ООО Фирма Издательство АСТ, 1999. – 896 с.
- Сандалов Л.М. Пережитое. – М.: Воениздат, 1961. – 192 с.
5. Автомобили Вермахта. – Рига: Торнадо, 1998. – 68 с.
- Ананьев И.М. Танковые армии в наступлении: по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.: Воениздат, 1988. – 456 с.
- Анфилов В.А. Провал «блицкрига». – М.: Наука, 1974. – 616 с.
6. Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. – М.: Мысль, 1964. – 533 с.

- Военная история: Учебник. – М.: Воениздат, 1984. – 375 с.
7. Галактионов М. Париж, 1914 (Темпы операций). – М.: ООО Издательство АСТ, 2000. – 704 с.
- Гоголев Л.Д. Бронемшины: Очерки об истории развития и боевом применении. – М.: ДОСААФ, 1986. – 143 с.
- Вторая мировая война 1939-1945 гг. В 12 томах. – М.: Воениздат, 1974. – Т. 2.
- Дейтон Л. Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. – М.: Эксмо-Пресс, Эксмо-Маркет, 2000. – 672 с.
8. Дьяков Ю.Л., Бушева Т.С. Где ковался фашистский меч? // Брега Тавриды. – 1992. – № 1. – С. 216-240.
9. Жилин П.А. Проблемы военной истории. – М.: Воениздат, 1975. – 398 с.
- Жилин П.А. История военного искусства. – М.: Воениздат, 1986. – 428 с.
10. Колпакиди А.И., Прудникова Е.А. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 560 с.
- Красная Армия за год до агрессии // Военно-Исторический журнал, 1996. – № 3. – С. 18-27.
- Маликов В.Г. Прямой наводкой // Техника – Молодежи. – 1987. – № 7. – С. 44-45.
- Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения). – М.: Вече, 2000. – 608 с.
- Мидельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение. – СПб.: ООО Изд. Полигон; М.: ООО Фирма Изд. АСТ, 2000. – 448 с.
- Ненахов Ю.Ю. «Чудо-оружие «Третьего рейха». – Минск: Харвест, 1999. – 624 с.
11. Полная энциклопедия танков мира. 1915-2000 гг. – Минск: ООО Харвест, 1998. – 576 с.
- Прочко Е. Противника и союзники // Техника – Молодежи. – 1994. – № 2. – С. 20-23.
- Прозектор Д.М. Оруженосцы третьего рейха. – М.: Воениздат, 1971. – 200 с.
- Советская военная энциклопедия. В 8 томах. – М.: Воениздат, 1979. – Т. 1; Т. 5.
12. Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. – М.: Воениздат, 1979. – 414 с.
- Сусливичус Л. По обе стороны фронта // За рулем, 1990. – № 4. – С. 1-3.
- Ульянов В.И. Развитие теории глубокого наступательного боя в предвоенные годы // Военно-Исторический журнал. – 1988. – № 3. – С. 26-33.
- «Ханомат» история создания и применения. – М.: Восточный фронт, 1996. – 32 с.
- Шмелёв И.П. Бронетанковая техника третьего рейха. – М.: Арсенал-Пресс, 1996. – 192 с.
- Шмелёв И.П. История танка (1916-1996). – М.: Техника – Молодежи, 1996. – 208 с.
13. Шунков В.Н. Оружие Вермахта. – Минск: Харвест, 1999. – 180 с.
- Эволюция военного искусства: Этапы, тенденции, принципы. – М.: Воениздат, 1987. – 246 с.